

От переводчика

Джеке Маринай (Gjekë Marinaj, албанск.) — американский поэт албанского происхождения, переводчик, критик и основатель теории протонизма.

Родился в 1965 году в небольшом северном албанском городе Брут. Работал журналистом, но в августе 1990-го в его судьбе случился неожиданный вираж. Газета «Дрита» опубликовала стихотворение Маринай «Кони», в котором завуалированно представлялось положение албанского народа.

Газету со стихотворением мгновенно раскупили, а стихотворение подняли на щит противники коммунистической власти в стране. Его переписывали от руки, раздавали в метро, скандировали на антиправительственных митингах и исполняли как песню. Маринаем наиболее заинтересовались спецслужбы, и под угрозой ареста он был вынужден покинуть страну. Он тайно пересёк границу и бежал сначала в Югославию, а спустя некоторое время оттуда — в Соединённые Штаты. С тех пор Маринай всегда подчёркивает свою благодарность сербскому народу за поддержку в трудный период его жизни. Связь с Сербией у писателя и семейная — его жену-сербку зовут Душица.

В США Маринай продолжил образование в Техасском университете в Далласе, защитил докторскую степень. Он основал теорию протонизма в литературной критике: в соответствии с ней критик-протонист сначала пытается понять, что представляет собой эстетическая, интеллектуальная и моральная ценность работы, учитывая её собственные условия. Если критик находит мало таковой ценности в произведении, ему следует отказаться от дальнейшего рассмотрения. «Концепция имеет непосредственное отношение к балканскому контексту, в котором литературная критика часто становится политическим, сектантским или идеологическим оружием в ущерб литературе. Но она может иметь широкое применение. А сам термин является метафорой, проиллюстрированной физикой атома: взгляд критика-протониста базируется не на летучем, лёгком отрицательном электроне, а на прочном, весомом положительном протоне», — говорит Маринай о своей теории.

Сегодня он автор книг поэзии, прозы, литературной критики, переводчик художественной литературы с английского на албанский и с албанского на английский, редактор книг на обоих языках, обладатель престижных литературных наград — американских и албанских. Живёт США. Преподаёт английский язык и коммуникации в Ричленд-колледже.

Глядя в твои добрые глаза

Ел. Б.

Поэтическая сила безмятежности
Сдаётся самой себе
Где-то в четвёртом измерении сумерек.

Твои добрые глаза —
Едва различимые тёмные тюльпаны,
Проросшие сквозь флоремы каждого цветка.

С потеплением вод Врнячки-Бани
На один градус
Любовь приобретает новый вкус.

Свежий вечер отворяет
Прозрачное окно
В лабиринте твоей души.

Бабочки сострадания
Дрейфуют в тишине,
Обновляя образ современной матери.

Сквозь мягкие кристаллы кириллицы
Твоя неземная сущность претворяет
Невинные слёзы мира в свежие чернила.

Поток надежды, послушный ручке,
Струится на пустые страницы,
Чтобы вместиться в акварели сострадания.

Обещаю, что однажды весь род людской
Признает женщин столь же важными,
Как сама жизнь,

Ибо без них человечество
Сначала обезумеет,
А после исчезнет в безмолвии.

Она отправилась в Европу

Душице

Надышавшись воздухом моей любви,
она улетела, словно неуловимое дуновение сна.
Мы стали двумя опалёнными половинами планеты.
Кто б знал, любимая, насколько Европа станет лучше с тобой.

Новая сестра

Прибыла моя новая сестра:
у нас одна мать— поэзия,
питающая нас обоих
поэтическим молоком,
льющим в тонкие бумажные конусы,
увенчанные солнечными лучами.
Наш первый взгляд в нашем новом мире
свободно перетекает в мягкие стихи—
они нежнее и ярче, чем перья фазана,
они глубже и шире, чем розовый горизонт,
невиннее первой улыбки ребёнка
и более реальны, чем потребность дышать.

Она просто посвятила мне стихотворение.
И не растворилась в нём.

Но, зная, где искать,
там можно найти всё:
упакованное тщательнее,
чем её дорожные наряды,
выраженное строже, чем её облик
во дворе православной церкви.

Там с невинной любовью представлено
наше взаимное «застенчивое» восхищение,
и то, что она большой поэт,
видно в её праве написать так:

в этом стихотворении
более волнения, чем дыхания,
более тишины, чем звука,
более смысла, чем слов.

Её сердце столь велико,
её душа так изящна,
её голос до того лиричен,
что она даже не представляет.

Она— моя новая сестра.

Любовь

Невысказанная любовь—
проигранная игра,
чёрная ленточка на углу дома.

Если не умрёшь за неё,
загнёшься от неё.

Где искать мне душу поэта?

Она станет сердцем в моём скелете
(говорит мне мертвец).

Она застынет в моей боли
(говорит мне обиженный).

Она мелькнёт прикосновением в моём полёте
(говорит мне красота).

Она превратится в пепел моего костра
(говорит мне песня).

Где искать мне душу поэта
(спрашиваю я)?

Душу— не знаю, а тело я видела
повешенным на железном крюке жизни
(говорит мне истина).

Кони

Всю жизнь мы проживаем на бегу.
Мы видим только то, что впереди.
Нам всё равно, что позади осталось.
Мы безымянны. Наше имя— кони.

Не плачем мы
И не смеёмся.

Молчим.
Внимаем.

Едим, что нам поставили поесть,
Идём туда, куда нам приказали.
Напрасный труд— средь нас искать смыслёных.
Конь короля— почтение заслужит,
А конь принцессы— золотую сбрую.
Холопский— под попоной из рогожки,
А дикий спит себе под звёздным небом.
Но с человеком тет-а-тет мы— только кони.